

СОУЧАСТИЕ КАК ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В Особенной части УК УССР (в дальнейшем — УК) указание на ту или иную форму соучастия как конститутивный признак состава преступления встречается в 27 нормах. Причем в одних случаях законодатель дает идентичную формулировку соучастия применительно ко многим посягательствам: совершение группой лиц (ч. 3 ст. 117; ч. 2 ст. 118; п. «б» ст. 232; п. «б» ст. 234 УК) или по предварительному сговору группой лиц (ч. 2 ст. 81—84; ч. 2 ст. 86; ч. 2 ст. 140—143; ч. 2 ст. 155; ч. 2 ст. 155¹; ч. 2 ст. 168; ч. 2 ст. 215³; ч. 2 ст. 223; ч. 2 ст. 229¹; ч. 2 ст. 229² УК). Это с очевидностью свидетельствует о том, что по смыслу закона в соответствующих составах предполагается одинаковая его форма. В других же случаях одна и та же форма соучастия имеет различное терминологическое выражение. Так, преступное сообщество определяется как заговор с целью захвата власти (ч. 1 ст. 56 УК), организационная деятельность (ст. 64 УК), организация вооруженных банд (ст. 69 УК) или преступных группировок (ст. 69¹ УК), группа лиц, организовавших (ст. 70 УК). Более того, в двух нормах употребляется аналогичная терминология, хотя соучастие в них не предполагает преступного сообщества: организация групповых действий (ст. 187³ УК) и организация или руководство группой (ч. 1 ст. 209¹ УК).

Из сказанного следует, что конструирование форм соучастия в Особенной части УК нуждается в дальнейшем совершенствовании. С одной стороны, оно должно касаться уточнения социального значения конкретной формы в данном составе. Уже сейчас, например, можно констатировать, что законодательное определение «по предварительному сговору группой лиц» чрезмерно широко, поскольку охватывает различные по степени своей общественной опасности формы. С другой стороны, несомненной является необходимость унификации терминологии в УК, четко определяющей форму соучастия. Существующий в настоящее время разнобой в решении данного вопроса порождает разночтения в толковании и применении закона. В этой связи становится очевидной невозможность решения упомянутых проблем без учета достижений уголовно-правовой мысли в области учения о соучастии. Попытки отрегулировать частные вопросы без учета общих положений бесперспективны и в данном случае.

В соответствии с наиболее распространенной и, как представляется, правильной концепцией, соучастие делится на формы по двум классификационным критериям (объективному и субъективному), в рамках которых образуются совершенно самостоятельные группы форм соучастия. При этом сторонники анализируемого взгляда исходят из того, что совершение преступления в соучас-

тии увеличивает его тяжесть, поскольку, как правило, объекту здесь причиняется больший ущерб, исполнение посягательства облегчается и оно легче вуалируется, т. е. виновные получают возможность либо совершить наиболее опасное и сложное преступление, либо заниматься преступной деятельностью длительное время. Степень выраженности указанных признаков является основанием, которое позволяет говорить о повышенной опасности и необходимости включения именно данной формы соучастия в конструкцию конкретного закона.

Итак, упомянутая концепция исходит из того, что по *объективному* основанию — в зависимости от характера действий участников посягательства — соучастие делится на соисполнительство (простое соучастие, совиновничество) и соучастие с разделением ролей (сложное соучастие, соучастие в тесном смысле слова) [2, с. 464].

В общем плане ни одна из названных форм не может быть признана более опасной — это устанавливается только на уровне отдельного состава преступления. Иллюстрацией сказанному служат хищения. Едва ли, например, можно с уверенностью утверждать, что хищение, при котором кладовщик изымает вверенные ему ценности, а бухгалтер по сговору с ним подделывает документы с целью сокрытия преступления (исполнитель и пособник — соучастие с разделением ролей), является менее опасным, чем в случаях, когда они же совместно изымают ценности из склада (соисполнительство), но шагов к сокрытию содеянного не предпринимают. Напротив, с известной степенью уверенности можно сказать, что при хищениях путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением и мошенничества соучастие с разделением ролей зачастую представляет повышенную опасность. В этих случаях, как показывает практика, в большей степени страдает объект, облегчаются совершение и сокрытие преступления. В свою очередь и по тем же основаниям хищения путем кражи, грабежа и разбоя опаснее при соучастии в форме соисполнительства. Очевидно, что повышенно опасными по указанным соображениям будут преступления, предусмотренные ст. 117—118, 232—234 УК, когда формой соучастия было соисполнительство, и т. д.

По *субъективному* основанию — степени сплоченности участников деяния — совместная преступная деятельность делится на соучастие без предварительного соглашения (сговора) и соучастие по предварительному соглашению. В свою очередь, вторая из рассматриваемых форм может выражаться в элементарном соучастии, организованной группе и преступном сообществе [2, с. 464].

Указанные формы существенно отличаются по своему социальному значению. Существует точка зрения, согласно которой соучастие без предварительного соглашения по степени общественной опасности близко к совершению преступления одним лицом,

поскольку названные выше признаки, влияющие на его социальную оценку, здесь практически не проявляются. Неодинаково они отражены и в различных формах соучастия по предварительному соглашению. Такие признаки, как правило, не находят должного проявления при соучастии с предварительным соглашением в элементарной форме — отсутствие тесной связи между виновными и их предварительной сорганизованности существенно не облегчает исполнение преступления и его сокрытие. Редко оно связано и с причинением большего ущерба объекту, чем при совершении преступления одним лицом. Поэтому, как правильно отмечают ученые-криминалисты, такое соучастие с предварительным соглашением «существенно не повышает общественной опасности содеянного» [6, с. 235].

Иначе решается вопрос при организованной группе, т. е. группе, состоящей из «двух или более лиц, предварительно сорганизовавшихся для совершения одного или нескольких преступлений» [6, с. 235]. Установление между ними прочных связей дает возможность распределить роли, предпринять совместные подготовительные действия, условиться о всех деталях посягательства и т. д., что существенно облегчает его исполнение, сокрытие и влечет за собой причинение большого ущерба объекту. Поэтому виновные, совершившие преступление в составе организованной группы, как и все деяние, конечно же, представляют значительно большую социальную опасность, чем при совершении посягательства одним лицом, несколькими лицами без предварительного сговора или при элементарном соучастии по предварительному соглашению. Вот почему следует признать правильным вывод, согласно которому совершение преступления организованной группой «существенно повышает опасность содеянного в целом» [6, с. 235], так как с «созданием организованной группы качественно изменяются содержание преступного события и степень его общественной опасности» [8, с. 66].

По существу, данную позицию занимает и законодатель. Среди обстоятельств, увеличивающих общественную опасность преступлений и, соответственно, отягчающих ответственность, он назвал не вообще совершение преступления в соучастии и даже не по предварительному сговору, а лишь «совершение преступления организованной группой» (п. 2 ч. 1 ст. 41 УК).

Аналогичный подход к решению рассматриваемого вопроса получил распространение в судебной практике. Так, по изученным делам о хищениях, при элементарном соучастии по предварительному соглашению (как при соисполнительстве, так и соучастии в узком смысле слова) наказание выше предела, установленного за неквалифицированные его составы, фактически не назначалось. Почти к $\frac{3}{4}$ от общего числа осужденных применялось наказание в виде условного осуждения, исправительных работ без лишения свободы и лишения свободы на срок до двух лет. Остальные осужденные были приговорены к лишению свободы на три-четыре года. В то же время за хищения, совершенные организованной

группой, наказание в подавляющем большинстве случаев назначалось выше предела, установленного за неквалифицированный состав.

Думается, что нет оснований специально говорить о чрезвычайно высокой опасности соучастия особого рода — преступном сообществе, поскольку его социальная оценка очевидна.

Изложенные положения общеизвестны. Тем не менее и в настоящее время некоторые криминалисты пытаются решить вопрос о формах соучастия конкретных групп преступлений без учета положений общего учения о соучастии, что в конечном счете приводит к схоластическим спорам. Наиболее характерной в данном отношении является не прекращающаяся дискуссия о понятии хищения, совершенного по предварительному сговору группой лиц. Одни криминалисты полагают, что единственной особенностью такого посягательства является предварительный сговор соучастников (В. В. Ераксин, В. И. Литовченко, П. Ф. Тельнов и др.). Другие ученые считают квалифицированным по данному признаку хищение, которое совершено в форме соисполнительства (Л. А. Андреева, А. Ф. Ананьев, Г. И. Бушуев, В. А. Владимиров, Р. Р. Галиакбаров, П. И. Гришаев, П. С. Матышевский, И. И. Погребняк, И. С. Тишкевич, В. С. Устинов, И. Х. Хакимов и др.). При этом аргументация той или иной позиции обычно лежит в плоскости толкования используемой законодателем терминологии. Так, Ю. И. Ляпунов пишет: «Совершение хищения по предварительному сговору группой лиц может составить лишь соисполнительство... Этот вывод основывается на буквальном толковании закона...» [3, с. 152; 1, с. 171—180].

Однако указанный метод уяснения смысла уголовно-правовой нормы не всегда приводит к желаемому результату — субъект доктринального толкования нередко отступает от общепринятого понимания использованных в конструкции нормы терминов, чем существенно изменяет их значение. Такое положение влечет за собой различный подход к определению содержания закона.

Сказанное наглядно прослеживается на примере анализируемого квалифицирующего обстоятельства. Сторонники его ограничения соисполнительством утверждают, что в УК речь идет о хищении, совершенном не только по *предварительному сговору*, но и *группой лиц*. Следовательно, квалификационным оно будет, когда несколько лиц *непосредственно исполнили* преступление.

Приведенное утверждение весьма произвольно, поскольку оно не соответствует общепринятому значению группы — «совокупности людей, объединенных общностью интересов, профессий, деятельности и т. п.» [4, с. 120]. Из данной формулировки нельзя сделать однозначного вывода о непременности соисполнительских функций у всех членов группы. Более того, здесь совершенно логичным будет заключение о возможности выполнения в группе ее членами различных функций и ролей.

Далее, сторонники критикуемого взгляда утверждают: Пленум Верховного Суда СССР, говоря, что «под хищением, совершенным

по предварительному сговору группой лиц, следует понимать такое хищение, в котором *участвовали* двое или более лиц» [5, с. 157], подразумевает соисполнительство как непереносимое условие подобного посягательства. Однако и этот вывод является малоубедительным. Термин «участвовали» заимствован Пленумом у законодательного определения — понятия соучастия (ч. 1 ст. 19 УК, ч. 1 ст. 17 Основ), которым, как известно, охватываются и соисполнительство, и соучастие с разделением ролей, и все другие его формы. Нет оснований поэтому ссылаться в данном аспекте и на «совместность», так как и этот термин используется законодателем в той же норме и применительно ко всем формам соучастия.

Таким образом, можно прийти к однозначному выводу о том, что ни законодательная конструкция хищения, совершенного по предварительному сговору группой лиц, ни его материальное содержание — степень общественной опасности в зависимости от формы соучастия по объективному основанию — не дают повода для утверждения, что в этих случаях предполагается только соисполнительство. Не убеждают здесь и ссылки на судебную практику [3, с. 152]. Ее обобщение говорит о другом: факты квалификации действий виновных по ч. 1 ст. 81—84 УК в связи с тем, что соучастие не выразилось в соисполнительстве, исключительно редки.

Вопрос же о применении ст. 19 УК при оценке действий участников преступления, на наш взгляд, не вызывает особых затруднений. В последней части статьи предписывается при назначении наказания учитывать степень и характер участия каждого из участников в содеянном. Следовательно, данное обстоятельство должно отражаться не только в описательной части приговора, но и в самой квалификации. А делается это посредством ссылки на соответствующую часть ст. 19 УК. Вот почему такая ссылка не просто целесообразна, а обязательна во всех случаях, в том числе и тогда, когда в конкретной норме говорится о совершении преступления «по предварительному сговору группой лиц».

Следует отметить, что спор о формах соучастия при хищении возник не случайно. Дело в том, что опасность этих, как, впрочем, и других преступлений, о чем говорилось выше, существенно изменяется в зависимости от соучастия по субъективному основанию. Законодательное определение анализируемого хищения не вызывает сомнений в том, что его квалифицированный состав отсутствует, когда деяние совершается несколькими лицами без предварительного соглашения. В свою очередь, предварительный, т. е. достигнутый в процессе приготовления к хищению, сговор всегда образует квалифицированный состав посягательства — и при элементарной форме, и при организованной группе. И это, вопреки мнению В. А. Владимирова, ни в коей мере не означает, что «институт соучастия вовсе утрачивает свои функции и значение применительно к преступлениям против социалистической (и личной) собственности...» [1, с. 157]. Однако если элементарная форма

соучастия по изложенным ранее основаниям практически не увеличивает общественную опасность содеянного, то при организованной группе такая опасность чрезвычайно возрастает. Вот почему в законе целесообразно установить ответственность как за квалифицированное хищение лишь при совершении его организованной группой (независимо от формы соучастия по объективным основаниям), как это было до принятия уголовных кодексов 1959—1961 гг. — Указе от 4 июня 1947 г., и как это установлено в УК некоторых восточноевропейских стран. «Это позволило бы устранить завышение уровня групповой преступности, повернуть усиленную репрессию против относительно редких, но весьма опасных случаев организованной преступности» [7, с. 66]. Совершение же хищения по предварительному соглашению в элементарной форме следует рассматривать как простой (неквалифицированный) состав данного посягательства.

Представляется, что для установления единства в толковании и применении закона, определения его соответствия современному этапу развития общества, целесообразно под указанным углом зрения рассмотреть все составы преступлений, в которых соучастие является их конструктивной особенностью.

Список литературы: 1. *Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И.* Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986. 2. *Курс советского уголовного права.* М., 1970. Т. II. 3. *Ляпунов Ю. И.* Спорные вопросы квалификации хищений социалистического имущества // Актуальные проблемы юридической науки на этапе развитого социализма: Краткие тезисы докладов и научных сообщений республиканской научной конференции, 16—18 октября 1985 г. Х., 1985. 4. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1987. 5. *О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества:* Постановление от 11 июля 1972 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Ч. 2 М., 1978. 6. *Советское уголовное право.* Общая часть. М., 1969. 7. *Тельнов П.* Дифференциация ответственности за групповые преступления // *Соц. законность.* 1978. № 6. 8. *Тельнов П. Ф.* Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1977.

Поступила в редколлегию 15.07.89

В. В. УСТИМЕНКО, канд. юрид. наук
Харьков

ВЛИЯНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ЛИЧНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЯ, НА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОУЧАСТНИКОВ

В УК УССР предусмотрена ответственность за преступления, признаком субъекта которых являются личностные свойства: возраст, вменяемость, пол (ст. 117—118, 122); особо опасный рецидив (ч. 2 ст. 69¹, ч. 4 ст. 81, ч. 2 ст. 86); прежняя судимость (ч. 3 ст. 108, ч. 2 ст. 155, ч. 3 ст. 168); сильное душевное волнение (ст. 95); особое психофизиологическое состояние женщины